

No one home

пьеса

1

На десятый день девочка Иса увидела человека на берегу под деревом.
Он сидел и смотрел прямо перед собой.
Когда корабль поравнялся с линией его взгляда - с человеком ничего не произошло.
Он как будто ничего не видел.
Иса, свесившись с борта, смотрела, как корабль удалялся от человека, а человек от корабля.

2

Была весна.
Антон тоже плыл на корабле.
Он сидел и читал вслух с телефона.

Антон. Меня зовут Антон. Мне тридцать лет. Я не тот, кто создал мир. Я научился говорить и думать на русском языке и считать с помощью арабских цифр (ну и римским тоже учили). И это просто языки. Одни из многих. Как и я. Один из многих. Русский язык не единственный. Арабские цифры не единственные. Я не пророк, я - человек. Я понял, кто я такой, но я могу ошибаться. Хочется когда-нибудь вернуться домой. Тогда есть шанс исправить ошибки. Мама может понять. Где моя мама? Мне спокойно гулять, не зная, где я и сколько сейчас времени, но зная какая «эпоха». Мне спокойно говорить на русском языке, одним из многих на планете. Хочу выплакаться рядом с людьми, с которыми мне спокойно. Я пока не хочу есть мясо. Я не первый человек на земле. То, что не единственный, я уверен. Я не бог, я человек. И в этом я не ошибаюсь. Бог это слово на русском языке. Из трех букв русского алфавита. Я не цветы на даче у бабушки и дедушки, и в этом я не ошибаюсь. Я умею читать и говорить, но не на всех языках мира. Узел внутри. Я человек, а не растение. Могу ошибаться, но не ошибаюсь. Я человек, а не животное. Я не тигр, я человек. Люди разные - эта мысль успокаивает. Я надену дедушкин свитер и посмотрю в свои «бабушкины» глаза. И рассмеюсь. И мне больше не будет так страшно совершать

ошибки. И я вновь обрету глаза, руки и голову. Это всего лишь вещи и это всего лишь мои глаза. Тут я вряд ли могу ошибаться. Голод. Просто есть хочется. Каждый человек на земле имеет право на ошибку. Хочется спать. Начинается дождь. Тигр, вырвавшись из клетки, понимает, что клетки могло и не существовать, а он мог быть не тигром, а человеком. Мама в детстве учила меня ходить в школу самостоятельно, но я чувствовал, что она следит за мной. Русского народа не существует. Я пережил эту ночь, значит могу пережить и остальные. Прощай, любимый город.

Мимо прошёл старик Джон, он, тяжело переставляя конечности, перелез через бортик и прыгнул в воду. Антон, наблюдавший за ним, резко встал, схватил спасательный круг и прыгнул за Джоном.

3

Вытащенный на палубу Джон кричал что есть силы.

Джон. Джон Леннон должен умереть! Джон Леннон должен умереть! Я Джон Леннон! Я выжил тогда, но сейчас я должен умереть! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace! Never again peace!

Он кричал и кричал.

На вопли Джона пришли все плывущие на корабле психи.

Одна из них, Марианна, наклонилась над ним, выставив вперед ухо, как будто ей было плохо слышно.

Питер начал звуково имитировать крик Джона.

Мишель достал телефон и стал записывать звук.

Антон тоже достал телефон и прочитал из него: “Повсюду - машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями. Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна испускает поток, другая его срезает. Грудь - это машина, которая производит молоко, а рот - машина, состыкованная с ней” (примеч. текст из “Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения” Жиль Делез, Феликс Гваттари).

Иса грустно смотрела на Джона.

Прибежал чёрный пёс по кличке Сталин.

Пёс начал скулить.

Наконец Джон замолчал.

Все быстро разошлись. Кроме Исы и Сталина, который улегся тут же. Джон остался лежать. Через какое-то время он осмотрелся по сторонам и, наконец, поднялся на ноги. Подрагивая от холода, он отправился к себе в каюту.

4

Испуганно, озираясь по сторонам, появилась Марианна.

Следом за ней украдкой шел Питер с ромашкой в руке.

Питер. Когда я первый раз приехал в Париж, я решил подарить цветок девушке, которая посмотрела бы мне в глаза и не отвела бы взгляд в течение трех секунд. Марианна. Я травилась газом, я резала себе вены, я вешалась, я прыгала с моста, я топилась, я ходила в злачные районы в короткой юбке, я стрелялась из охотничьего отцовского ружья, я пила мышьяк, я билась головой о стену, я бросалась под машину, я умирала несчетное число раз, и все мужчины и все женщины покупали тысячи цветов, чтоб принести на мою могилу, а ты хочешь, чтоб ради этой мертвой несчастной ромашки я посмотрела бы тебе в глаза?

Питер. И такая девушка нашлась. Она работала в туалете большого торгового центра.

Марианна. Мы не в Париже, мы далеко, мы в кошкиной жопе!

Сталин привстал на лапы и залаял на Марианну. Она испугалась и убежала. На палубе остались Питер и Иса, которая тихо сидела в углу.

Питер. Почему ты не разговариваешь? Я не слышал, чтоб ты говорила. Это твой пес?

Иса кивнула.

Питер. Любишь цветы?

Иса кивнула.

Питер протянул ей ромашку, она осторожно взяла.

Питер ушел к себе.

Иса начала “гадать” на ромашке, не произнося ни слова.

Появился Джон с гитарой.

Джон. Ты индианка?

Иса молчала.

Джон. Арабка?

Иса молчала.

Джон. Сунниты или шииты?

Иса молчала.

Джон. Еврейка?

Иса молчала.

Джон. Ты глухонемая?

Иса молчала.

Джон. А пса твоего как зовут?

Сталин пролаял два раза.

Сталин. Ста-лин.

Джон. Хорошее имя.

Джон устроился на палубе и начал наигрывать что-то никому не известное на гитаре.

Появился Мишель.

Мишель. Джон, вот у тебя есть папа и мама. Если папа и мама воюют, за кого ты должен быть? Убить папу или убить маму?

Джон. А не надо воевать.

Мишель. “Не надо воевать” - было актуально в твои годы.

Джон. А не надо воевать.

Мишель. Я убиваю с шести лет. В шесть лет я утку застрелил. Я - мужчина.

Джон. Белый гетеромудак ты, а не мужчина.

Мишель. А ну брось гитару.

Джон. Пошел ты.

Мишель грубо отобрал гитару у Джона. Тот заплакал.

Джон. Вы ничего не понимаете в цветах! Вы ничего не понимаете в любви! Вы ничего не понимаете в мире! Вы хотите только ебли и смерти. Вы все хотите моей смерти. Я хочу своей смерти.

Джон лег как труп.

Мишель начал “целиться” гитарой куда-то вверх, как будто собирался подстрелить какую-то птицу. Неожиданно раздался выстрел, как будто гитара выстрелила.

Мишель озирался по сторонам. Затем раздался еще один выстрел. Мишель интуитивно нагнулся и затем упал на пол. В корабль стреляли.

Мишель. Прячьтесь, психи!

Джон продолжил лежать.

Антон выбежал на палубу. Он как будто был очень рад и воодушевлен.

Антон. Война. Опять война. Всегда война.

Он достал телефон. И под пулями прочитал.

Антон. Каждая стадия империализма к тому же добавляла к инструментарию колониальной оккупации военные технологии, качественно меняющие методы и способы ведения захватнических войн (Ашиль Мбембе “Некрополитика”).

Сталин метался по кораблю и скулил.

Иса забилась в угол.

Антон растерянно стоял и, казалось, ждал, когда его застрелят.

Но этого не произошло.

Выстрелы стихли.

Джон открыл глаза.

Джон. Мы тонем? Я умру?

Мишель выполз откуда-то.

Мишель. И не надейся. Наше свободное плавание продолжается.

Джон. Печалька.

Появились Марианна и Питер.

Марианна. Так я еще никогда не умирала. От пули. Я умирала тысячи раз, но так - почему-то никогда. Наверное, поэтому мне дана эта, очередная жизнь. Чтобы умереть. Ведь жить бессмысленно. Главное - умереть достойно. Нельзя допустить, чтобы тебя “замочили в сортире”. Или пусть не говорят - “она утонула”. Главное - достоинство. Красивая смерть. В эпоху, когда мы уже не знаем, кто, где и в каком количестве умирает, - надо тем более достойно принимать свою кончину. Достойно, красиво, вдохновенно погибать. Падать водопадом. Течь бурной рекой. Ударять молнией. Солнечным ударом.

Интермедия

(личная, от автора)

Человек, воспитанный на обломках гигантской советской империи, несет в своем сознании взрывной заряд этой большой страны, забывая подчас, что ее более не

существует и жить нужно как-то иначе, оставив позади прошлое и не цепляясь за него.

Я родился в 1988 году в маленьком городке близ Новосибирска.

Сибирское море, которое на самом деле водохранилище, трубы большого города на горизонте.

Я помню загорелых шахтеров, свой отпускной месяц жарившихся на сибирском солнце на берегу. Их дети чернели, как будто меняли цвет кожи. Почему-то иногда они устанавливали “веселого Роджера” (пиратский флаг) над своим палаточным городком.

Я помню мамину прическу - “химку”, модную в то время.

Я помню езду на раме отцовского велосипеда.

Я помню растворимые “юппи” и “зукко” - замену газировок. Кислотного цвета напитки, которые так приятно шипели, когда разводишь этот порошок в воде.

Я помню, как убили мужа моей воспитательницы в детском саду. Говорили - зарезали. Подробностей я не знаю. Она была всегда такая улыбающаяся.

Я помню, как на урок математики к нам приходил сын учительницы - ребенок с синдромом Дауна. Учительница была очень хорошая, я ее любил.

Я помню уборку картошки, нелюбимый день, когда приходилось много копать и потом собирать клубни в грязные, сыро пахнущие мешки.

Я помню бабушкину библиотеку.

Я помню спортивный лагерь, адское место, откуда я все время хотел сбежать. Я занимался борьбой, иногда даже имел успехи, но полубандитское сообщество борцов я ненавидел. Сидя в будке дневального перед въездными воротами, я читал книжки, которые задавали в школе на лето. Так, удрученный, я впервые прочел “Мертвые души”.

Я помню, как родители поручили мне сделать опись музыкальных клипов на их видеокассетах. Я смотрел бесконечно эти трешовые клипы российских исполнителей, пытаюсь понять из текста, как же называется песня. Записывал в тетрадку. “Дверка моя, я твой ключик”.

Я помню, как борцы украли мой велосипед и сломали мне спицы в обоих колесах. Я рыдал, но не перед вредителями.

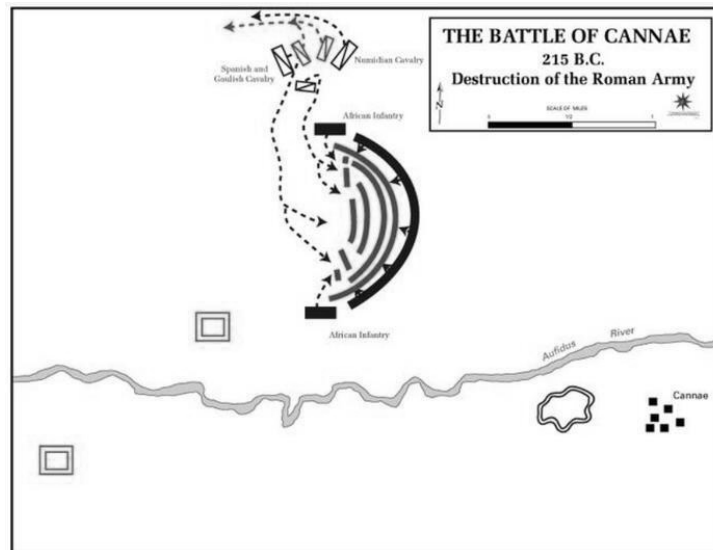
Я помню, как бабушка занималась со мной математикой. Я имел успехи, даже занял один раз призовое место на городской олимпиаде. Страсть к соревнованию, кажется, я не потерял до сих пор.

Я помню, как мы с отцом, братом, дедом и дядей ходили на охоту. А потом дядя умер от передозировки в возрасте 32 лет.

Я помню, как я стрелял из двустволки по консервным банкам, а потом подходил к банке и проверял, есть ли дробины внутри.

Я помню, как учительница задала сделать обзорную таблицу всех партий в Российской империи до революции с отличиями их политических программ. Всем это казалось ужасно скучным.

Я помню, как ещё младшим школьником интересовался историей древнего мира. Особенно меня восхищал полководец из Карфагена Ганнибал. И то, как он отравился, не позволив римлянам себя арестовать. А его знаменитую выигранную им битву я мог нарисовать и помню схему расположения войск до сих пор.

Я помню, как наш сосед по этажу торговал “насваем”. Это такой легкий наркотик, распространенный больше в Центральной Азии. Потом сосед сел.

Я помню, как однажды мама позвала коллег по работе, они приставали к сестре соседа. Та вызвала кого-то, те вломились в нашу квартиру и избили нескольких маминых друзей. Затем был суд. И нападавшие сели. Отец приехал на следующее утро после драки. Помню его взгляд, бегающий по стенам, по которым была размазана кровь. А мама была в полиции. И я, семилетний, пытался объяснить ему, что случилось.

Я помню, как дедушка показал мне газету, в которой была статья про борцов, осужденных за похищение людей.

Я помню, как понял, что мой тренер - бандит.

Я помню, как школе подарили телевизор за мою отличную учебу и успехи на олимпиадах.

Я помню, как поехал на олимпиаду в Москву и первый раз пил молочный коктейль из макдональдса.

Я помню, как еще маленьким, я смотрел новости, которые смотрели в свою очередь родители, через щелочку между стеной и шкафом, потому что наша с братом двухъярусная кровать была отгорожена от родительских кресел.

Я помню, как у меня украли пять рублей, которые мама дала на мороженое, а дед из-за этого назвал меня “лопухом”. Было так обидно, что заболела голова.

Я помню, как отец единственный раз напился в сочельник, когда родители ходили “колядовать”, и им все время наливали.

Я помню, как в 98 м мы первый раз всей семьей поехали на море. Вернулись - и был дефолт.

Я помню, как там же, на море, я упросил родителей первый раз пойти в ресторан. Это был китайский ресторан. Я съел мидии и весь следующий день блевал.

Я помню, как я влюбился в одноклассницу, и она у меня списывала математику.

Я помню, как в двенадцать лет я выиграл областное первенство по борьбе и поехал на всероссийский чемпионат в “город-герой” Волгоград. Я бегал, готовясь к поединкам, а сверху вниз на меня смотрела Родина-мать, и у меня носом, от волнения, текла кровь.

Я помню то время не как праздник, скорее как испытание с постоянным желанием повзрослеть.

Я помню то время не как наказание, скорее как возможность стать кем угодно.

Я помню то время не как что-то жестокое, ведь я был ребенком.

Я помню то время не как “лихие” года, скорее как время трудностей для моих родителей.

Я помню то время не как эйфорию, но как разочаровались в стране мои бабушка и дедушка (потом они первые и единственные в нашей семье полюбили Путина).

Я помню то время, как время, когда я каждый вечер смотрел выпуск новостей.

Я помню то время, как время, когда мои родители были вместе (потом они развелись) и когда они были молодыми.

Я помню то время, как время ярких красок. Наверное, потому что я тогда был ребенком.

Я вырос на книжках из бабушкиного шкафа. Я всегда играл за “красных”, а не за “белых”.

Я мечтал быть героем. Не пионером-героем, конечно. Но романтическим революционером, страдающим от безответной любви.

Я просто часть большой Истории, как и каждый.

Моя настоящая фамилия Стадник. Фамилию моего прадеда русифицировали, когда он переезжал из деревни в город. Он был запорожский казак.

Я уехал из своего города в Москву, теперь, из-за войны, я переехал в Париж.

Где я окажусь в будущем?

Как часть истории, я, как и каждый, имею право на своё мнение.

Я не знаю, могла ли история моей страны быть другой.

Иногда я хочу, чтобы в какой-то альтернативной реальности я был кем-то принимающим решения.

И чтобы я принял правильные.

Но была ли альтернатива?

Был ли шанс у страны?

Иногда мне кажется, что она обречена уже очень давно.

Со времен, когда Разин бросил персидскую княжну в воду, и она утонула.

Со времен, когда Петр прорубил “окно в Европу”, прокладывая себе путь костями соотечественников.

Со времен, когда сбросили статую Перуна в воду.

Со времен, когда Грибоедова убили в Персии.

Со времен, когда царя стали малевать на иконах.

Со времен, когда Чаадаева объявили сумасшедшим.

Со времен, когда Орда завоевала Русь и передала ей по наследству свое пирамидальное правление.

Со времен, когда варяги приплыли.

Со времен, когда убили царскую семью.

Со времен, когда печенежский хан сделал чашу из черепа Святослава.

Со времен, когда княгиня Ольга отомстила за Игоря.

Со времен, когда Ярославна плакала.

Со времен, когда апостол Андрей первозванный был распят на Х.

Психи собрались и смотрели выступление Питера. Начав говорить, он улыбался, закончив - плакал.

Питер. Я Питер. Столько любви в мире. Сколько любви во мне? Наперсток? Ведро? Цистерна? Бассейн? Почему меня, европейца, мучает совесть? Почему я изнасиловал и убил свою одноклассницу? Почему или зачем? Я был грустным и унылым школьником. Был ли я уродом? Я разговаривал с деревьями. Шепчет Запад, Восток молчит. Кто правду говорит? Почему меня осудили? За что? Разве она не издевалась надо мной? Разве каждый день тогда не падали с неба ракеты и дроны? Разве равносильно одно другому? Разве можно одно сравнить с другим? Разве может нравиться смерть ребенка? Она была еще ребенок. Разве другие дети, погибшие под обломками ракет, не отмолили ее? Разве я не тот, кто отправил ее в рай? Почему небеса не разверзлись, когда я делал это? Почему Бог позволил мне это сделать? Почему Бог не остановил меня, как Он остановил Авраама? Зачем я сделал это?! Я сумасшедший? Да, я псих! Я психопат. Меня надо держать подальше от людей. Надо, чтоб я никому не дарил цветы. Надо, чтобы я не нравился женщинам. Надо, чтоб у меня не было детей. Надо изъять мою кровь. Надо перерезать мне вены и пустить кровь в землю! Пусть на моей крови вырастут цветы! Пусть её пьют ромашки, розы, георгины, хризантемы, гладиолусы, фиалки, незабудки, флоксы. Пусть цветы станут вампирами. Пусть я закончусь. Пусть мир на мне закончится. Пусть. Пусть. Здравствуй, грусть.

Психи начали аплодировать. Каждый по-своему. Мишель отбивал себе ладони. Марианна будто из вежливости. Джон в задумчисти. Антон себе на уме. Иса аплодировала, чтоб не выделяться. Даже Сталин выл.

Марианна. Грустно.

Мишель. Красиво придумано.

Питер. Это правда.

Марианна. Ты лжёшь.

Джон. Если это правда, я потеряю веру в человечество.

Мишель. Make love not war! Fuck you!

Антон читал из телефона.

Антон. Мир не имеет по отношению к нам никаких намерений. (Людвиг Витгенштейн).

Питер. Следующий.

Мишель вышел на импровизированную сцену.

Мишель. Я Мишель. Вы знаете, я - милитарист. Я стрелял уток, зайцев, тетеревов, медведей, лосей, косуль, кабанов. Я люблю убийства. Я люблю охоту. Охота. Желание. Я люблю жизнь. Я люблю гибридные войны. Люблю конфликты. Мне нравится плыть на этом корабле. Мне вообще всё нравится. И все нравятся. Мужчины, женщины, старики, старушки, карлики, великаны, подземные жители, ангелы. Против Бога я тоже ничего не имею. Все под ним ходим. Господи, прости мою душу грешную. Единственное, что мне не нравится - я не видел свою маму лет пятнадцать. Жива ли она, моя старушка? Жив ли я? Не знаю. Может, я в аду?

Он начал кричать в небо.

Мишель. Как это узнать, Господи? Где мы? Куда мы плывем? Кто раскачал нашу лодку? Кто нами управляет? Есть ли в нас китайские чипы? Мы все киборги? Прошу дать ответ! Прошу, блять, ответить мне сию минуту! Сука, сию секунду! Сей, блять, момент!

Марианна. Стоп. Теперь я.

Мишель. Прошу, мадам.

Марианна. Мадемуазель...

Мишель. Тем лучше.

Марианна. Я Марианна. Я мать всех женщин, любовница всех мужчин и женщин, я умираю и воскресаю. За сегодняшний день я умерла уже четыре раза. Один раз мучительно, как будто испытала оргазм. На мне закончится человеческий род, потому что однажды я умру навсегда. У меня не руки - крылья. У меня не нос - клюв. Я летаю и плыву. Меня надо насадить моей дыркой на нос корабля, чтобы я несла его вперед. Мы плывем в прошлое. Мы выплыли из настоящего. В настоящем я была просто Мэри-Энн. Просто провинциальная овца. Теперь я символ. Теперь за

мной идет человечество. Я спасаю его с каждой секундой своего вздоха. Раньше я смотрела сериалы. Теперь я вижу жизнь. Раньше я изучала искусство, теперь я вижу, что нет ничего искусственнее искусства. Долой партии, которые уже разогнали! Долой политиков, которых уже убили! Долой церковь, которую уже разграбили! Добро пожаловать в вечную жизнь, мои братья и сестры!

В это мгновение корабль резко остановился.

Джон. Мель?

Мишель. Блять! Свобода не знает оков.

Питер. Вы видите что-то движется на берегу?

Марианна. Это призраки!

Джон. Это убийцы. Нас сейчас расстреляют, как в СССР в 1937 году.

Мишель. Успокойся, хиппи ты вонючий, сейчас не 37й, и мы не в СССР.

Джон. А где мы? Давайте назад в СССР!

Марианна. Мы в кошкиной жопе!

Питер. Нас окружают.

Мишель. Давайте их зарежем.

Джон. Можно Сталина на них натравить.

Сталин начал скулить.

Мишель. Этот пес трусливый как целка.

Питер. Я предлагаю сдаться.

Антон. Русские не сдаются.

Марианна. А ты русский что ли? Как оказался с нами в одной лодке?

Антон. Меня направили по справке из ПНИ.

Мишель. Блять! За ножи!

Марианна. Подождите! Если это люди, я могу им отдаться.

Питер. Марианна, побереги себя.

Марианна. Я священная жертва. Я корова. Мне плевать. Подмоюсь в речке - и поплывем.

Мишель. Ну давай тогда.

Иса начала плакать.

Мишель. Еще эта немая тут скулит, блять!

Питер. Вперед, наша королева!

Марианна прыгнула с корабля и ушла во тьму - туда, откуда сверкали чьи-то глаза.

Все ожидали. Иса всхлипывала. Сталин скулил.

Наконец, шатаясь, к ним вернулась Марианна.

Мишель. Ну че, мать? Жива?

Марианна смотрела неподвижным взглядом перед собой и молчала.

Питер. Тебя осквернили?

Мишель. Не видишь, шок у человека? Пойдем, дорогая.

Мишель и Марианна ушли с палубы в каюту.

Джон достал гитару и начал бренчать.

Корабль неожиданно сошел с мели и поплыл дальше.

Питер. Слава Богу.

Джон. Я атеист. Все забываю вам сказать.

Питер. Тем хуже.

Джон. Хотя, может, Джон Леннон буддист?

Питер. Ну он то и может, а ты тут при чем?

Джон. Я - это он.

Питер. Он мертв давным-давно. Господи, одни придурки кругом.

Питер ушел с палубы.

6

На палубе были Антон, Иса и Сталин. В углу дремал Джон.

Антон. Сталин, ты сколько человек казнил?

Сталин лает в ответ. Два раза.

Антон. Два миллиона?

Сталин один раз утвердительно лает.

Антон. Душегуб ты, пёс. Сдохнуть тебе надо.

Сталин начал зло рычать.

Антон встал на колени и начал рычать ему в ответ.

Иса подбежала и обняла пса.

Сталин лизнул ее щеку.

Антон. Хоть ты и собака теперь, а я считаю, твои поступки не искуплены. Я, может, тоже хотел бы псом стать! Только где-нибудь при дворе английской королевы.

Сталину надоело его слушать, и он лег, отвернулся.

Антон. Во-во. Полежи, подумай над своей прошлой жизнью.

Пришел Питер.

Питер. Ты русский, а почему тогда на войне не был?

Антон. Я был.

Питер. Правильно. Все русские были на войне. Все вы - преступники.

Антон. Я не спорю. Мы не сдаемся. Мы - воры и убийцы. Фашисты еще. Плесень на теле человечества.

Питер. А что ты все в телефоне читаешь?

Антон. У меня список мыслей. Какие-то мои, какие-то чужие.

Питер. Отмолить грехи хочешь?

Антон. Не получится. Я по-любому попаду в ад.

Питер. Зришь в корень, чувак.

Пришел Мишель.

Мишель. Мужики, почему мы сами то туда не пошли? Марианна теперь нема. Как рыба.

Питер. Бедная.

Джон проснулся и сидел их слушал.

Питер. Мишель, я тут подумал. Раз Марианна такая святая, может, она и нас благословит?

Мишель. Грех на душу взять?

Начал кричать куда-то наверх.

Мишель. А есть ли ты, чтоб наказать нас?

Питер. Молчит.

Мишель. Нет там никого. Пошли.

Они ушли. Джон начал снова что-то бренчать. Вскоре в звуки его гитары начали вторгаться недвусмысленные звуки снизу. Джон начал играть громче. Но и те звуки стали громче. Затем он закрыл уши руками. Не помогло. Потом он доковылял до края палубы и прыгнул за борт. Антон на этот раз за ним не прыгнул. Прыгнул пес Сталин. И потащил к кораблю.

Джона достали из воды.

Он не дышал.

Антон громко крикнул.

Антон. Цой жив, а Леннон мертв!

Все стали собираться.

Столпились вокруг него.

Мишель включил на телефоне запись крика Джона, которую он когда-то сделал.

И в записи зазвучали слова: "Never again peace!"

Сталин начал подвывать.

На следующий день тело Джона решили сбросить с корабля.
Предварительно тело выставили на палубе.
Глаза его были закрыты монетами.
В руки его положили гитару.
Психи стояли молча.
Сталин лежал.
Тут Иса подошла к телу.
Взгляды всех обратились на нее.
Она наклонилась к лицу Джона и поцеловала его в лоб.
И сказала впервые, сказала громко.

Иса. Let it be!

Через несколько секунд он открыл глаза.
Среди психов разошелся вздох удивления.
Марианна перекрестилась и упала на колени.
Мишель начал снимать воскресшего на телефон.
Питер рассмеялся.
Антон стоял задумчивый.
Иса, как ни в чем не бывало, подошла к своему псу Сталину.
Джон приподнялся и сел.
Взял гитару и начал наигрывать, чуть перебирая струнами.
Мелодия была неузнаваема, но Джону нравилась.
Вскоре Джон закричал.

Джон. Let's celebrate!

Все оживились. Начался праздник. Вечеринка выходила из берегов.

На палубе после вечеринки остался один Антон. Он смотрел в телефон. Как обычно.
Затем он отложил телефон и сказал.

Антон. Когда теряешь дом, кажется, что в нем никто больше не живет. There is no one home. Не все дома. Никого дома нет. Но на самом деле кто-то там остался. Либо свой, либо чужой. Ходит по тем местам, где ты родился. Своим или уже чужим. Если я вернусь домой, я его уже не узнаю. Разве бывает такое чудо, что все вернулось на свои места? Но были ли места “своими”, чтобы в них возвращаться? Не нарушено ли что-то в системе присвоения себе мест? Один русский кинорежиссер говорил, что нужно найти своих и успокоиться. Но после войны это уже не работает. Потому что успокоиться нельзя.

Снова посмотрел в телефон и прочел.

Антон. Агония Христа длится вечно, и в это время нельзя спать. (Блез Паскаль)

Отложил телефон.

Антон. Вы знаете, что была такая СВО. Или не знаете.

СВО и свой. Разве справедлива такая путаница?

Все игрушки должны быть на своих местах.

Если места будут не свои...

“Это может огорчить маму...”

Антон начал топтать свой телефон.

Топтал и топтал.

Затем Антон выкинул его за борт.

Потом сам прыгнул в реку и поплыл.

Он плыл и плыл, пока волна не накрыла его с головой.

9

Корабль опять плыл...

И снова, как и тогда, на десятый день, Иса увидела того же человека под деревом.

Он сидел и смотрел перед собой.

2025